

11 дек. 1999 г. № 12 (114) - 2002 - 9 дек. - с. 8

«Утро понедельника» не понравится кому-то из ваших друзей — Панфилову, или Климову, или Гермону...

— Это очень опасно. Я подумаю, что в чем-то промахнулся. Но они вряд ли будут мне говорить...

— Ваш фильм по структуре напоминает старинную музыку, вроде Баха или Вивальди. Вы когда-нибудь занимались музыкой?

— Я играю на скрипке и фортепьяно. Когда-то играл на органе — сейчас уже, наверно, не смогу.

— Вас учили этому в детстве?

— Да, сызмальства и много лет. Моя мама очень заботилась, чтобы я умел делать разные вещи. Вообще в старину полагалось обучать всех детей музыке, акварели, поэзии, языкам... Еще я очень любил радио: был радистом, собирал приемники. Нет, не детекторы — настоящие.

— Французский язык у вас тоже с детства?

— Я его знал вполне прилично лет до семи: жена брата моей бабушки была француженкой, а жили мы все вместе, в одном большом доме. Потом в школе учил немецкий, английский. Французский вспомнил снова лет уже в 25. Стал читать, восстанавливать...

— Сколько колен своих предков вы можете перечислить не задумываясь?

— По какой линии?.. По официальным бумагам прослеживается в пределах 26, ну а я, как все люди, помню в жизни бабушек, дедушек, знаю по фотографиям прадедушек и прабабушек и еще одного прапрадедушку. Знаю, конечно, как они жили, что делали.

— Чем занимались ваши родители?

— Папа был царским офицером, закончил Высшее военное училище в Петербурге, в Первую мировую стал полным кавалером Георгиевского креста. Когда царь отрекся от трона, он не эмигрировал, а снял с себя погоны и начал работать инженером. Мама была очень образованным человеком, но когда папу арестовывали — его много раз арестовывали, — она подрабатывала машинисткой.

— Ваш отец пережил большевистские репрессии?

— Да, он вернулся в 57-м году. В общей сложности отсидел около 30 лет, с перерывами. Его выпускали, потом опять сажали...

— Вы были единственным ребенком в семье?

— Да.

— Вас сильно коснулась война?

— О войне я помню одно: было туго с хлебом, вообще трудно было. Но Тбилиси недалеко от Каспийского моря, и черной икры в городе оказалось невпроворот. Ее ели вместо всего. Я возненавидел ее раз и навсегда, на всю оставшуюся жизнь...

— Ваши ровесники, ставшие режиссерами, всегда что-то снимали про войну. А вы почему нет?

— Мне очень нравилась позиция людей, которые, вернувшись из ссылки, из лагерей, стараются об этом не говорить. А война, увиденная ребенком, — это, по-моему, претенциозно. Это не настоящее. Лучше уж я буду делать то, что знаю.

— Вы хоть раз в жизни пожалели, что стали режиссером? Был такой момент?

— Нет, угрозы были, а сожалений не было. Хотя я не представлял, что при советской власти это окажется так тяжело. С другой стороны — тяжело-тяжело, а работал я всегда с большим удовольствием.

— Не приходило в голову, что лучше бы было все же закончить мехмат и остаться математиком?

— Нет, ни в коем случае. Я очень любил математику, пока не выяснилось, что она целиком и полностью находится на службе военно-промышленного комплекса. Мне это очень не понравилось.

— С кем вы учились во ВГИКе?

— Вокруг меня и курсом старше-младше были Климов, Шепитко, Саша Митта, Эльдар и Георгий Шенгелая, Мераб Гогочашвили — очень хороший режиссер, но он мало снял, поэтому его не знают... «Как зелена была моя долина» — чудный фильм, я его показывал недавно в Италии, все было в восторге.

— Где вы жили тогда в Москве?

— В общежитии, рядом со станцией Лось. Но дело в том, что я тогда уже был женат. Я-то математику бросил, а жена осталась в МГУ на том же факультете. Каждый день из МГУ я ездил во ВГИК и обратно, мотался между общежитиями.

— Когда в режиссуре почувствовали себя уверенно?

— На втором курсе.

— Когда «Листопад» получил в Канне приз за лучший дебют, это что-нибудь изменило?

— Это все изменило. Естественно, в худшую сторону. Вы же знаете, что «Листопад» был запрещен. Он был изрезан, искромсан, а я его спасал. По кусочкам собирал вырезанные эпизоды, ездил в Ригу, там мне их снова склеивали, печатали, я приезжал в Москву, показывал копии чиновникам...

— Как же фильм выпустили на Каннский фестиваль?

— По недосмотру.

С самого начала было ясно, что ему неприятны мои вопросы. Иоселиани — блестящий рассказчик, остроумный собеседник, но совершенно не склонен говорить о самом себе. О Сократе с Ксантиппой, о Марко Поло и пещерах Альтамира — это ради бога, тут же будет целая история. Но голые факты собственной биографии ему просто неинтересны. Родился в Тбилиси, в 19 лет поступил на мехмат МГУ, в 31 закончил ВГИК, последние 20 лет проживает во Франции, а больше ничего. Кроме того, Иоселиани никогда не раскрывает свои «творческие планы».

Просто ни один его фильм, начиная с 1968 года, не оставался без международных наград. В советскую эпоху это были «Листопад», «Жил певчий дрозд», «Пастораль», в последние годы — «Фавориты Луны», «И стал свет», «Охота на бабочек», «Разбойники», «In vino veritas».

Иоселиани — единственный режиссер в мире, который имеет четыре подряд основных приза Венецианского фестиваля, не считая успехов в Канне, Берлине, Сан-Себастьяне.

Мы все-таки поговорили о нем самом, хотя и на бегу. С московской премьеры «Утра понедельника», своей последней безупречной и тоже премированной работы, Иоселиани спешил на токийскую премьеру...

Иоселиани — единственный режиссер в мире, который имеет четыре подряд основных приза Венецианского фестиваля, не считая успехов в Канне, Берлине, Сан-Себастьяне.

Мы все-таки поговорили о нем самом, хотя и на бегу. С московской премьеры «Утра понедельника», своей последней безупречной и тоже премированной работы, Иоселиани спешил на токийскую премьеру...

Иоселиани — единственный режиссер в мире, который имеет четыре подряд основных приза Венецианского фестиваля, не считая успехов в Канне, Берлине, Сан-Себастьяне.

Мы все-таки поговорили о нем самом, хотя и на бегу. С московской премьеры «Утра понедельника», своей последней безупречной и тоже премированной работы, Иоселиани спешил на токийскую премьеру...

Иоселиани — единственный режиссер в мире, который имеет четыре подряд основных приза Венецианского фестиваля, не считая успехов в Канне, Берлине, Сан-Себастьяне.

Мы все-таки поговорили о нем самом, хотя и на бегу. С московской премьеры «Утра понедельника», своей последней безупречной и тоже премированной работы, Иоселиани спешил на токийскую премьеру...

Иоселиани — единственный режиссер в мире, который имеет четыре подряд основных приза Венецианского фестиваля, не считая успехов в Канне, Берлине, Сан-Себастьяне.

Мы все-таки поговорили о нем самом, хотя и на бегу. С московской премьеры «Утра понедельника», своей последней безупречной и тоже премированной работы, Иоселиани спешил на токийскую премьеру...

Иоселиани — единственный режиссер в мире, который имеет четыре подряд основных приза Венецианского фестиваля, не считая успехов в Канне, Берлине, Сан-Себастьяне.

Мы все-таки поговорили о нем самом, хотя и на бегу. С московской премьеры «Утра понедельника», своей последней безупречной и тоже премированной работы, Иоселиани спешил на токийскую премьеру...

ФАВОРИТ

Луны

О старе ИОСЕЛИАНИ

«Женщина по природе своей — рыцарь»

— Почему вам не давали снимать кино? Всего три фильма за пятнадцать лет?

— Ну, во-первых, мне давали снимать кино. Может, я сам был слишком ленив или просто искал, что снять...

— У вас нет нереализованных проектов?

— Нет, ни одного. Другое дело, что они не выпускали мои фильмы на экран. Но снимать давали, даже помогали. Вы знаете, ведь цензура, редколлегия Госкино — они были так же раздавлены системой. Это были живые люди, причем они в большинстве терпеть не могли тех, кто им во всем подчинялся и выполнял инструкции. Таких презирали, а тех, кто нарушал правила игры, наоборот, уважали, помогали советом, формулировкой. Одна милейшая женщина в Госкино только тем и занималась, что говорила: «Туда не ходи, этого не делай, а если зайдешь туда, скажи то». При этом по должности она была цензором. Мы все варились в одном котле. А припрятали наши фильмы кто-то совсем другой — там, наверху. Ермаш, общавшийся с Ильичевым или с кем-то подобным...

— Почему вы сегодня снимаете гораздо чаще, чем прежде?

— Тороплюсь, наверно. Накопилось. И потом, прежде, в те времена, приходилось не только придумывать, «что бы сделать», но еще и «как пронести». Двойная работа — два разных сценария: один для себя, другой — для руководства. «Для руководства» нельзя было ошибиться: все «как положено», но чтобы вошли все сцены, которые тебе нужно на самом деле.

— Почему вы сегодня снимаете гораздо чаще, чем прежде?

— Тороплюсь, наверно. Накопилось. И потом, прежде, в те времена, приходилось не только придумывать, «что бы сделать», но еще и «как пронести». Двойная работа — два разных сценария: один для себя, другой — для руководства. «Для руководства» нельзя было ошибиться: все «как положено», но чтобы вошли все сцены, которые тебе нужно на самом деле.

Кадры из фильма «Утро понедельника».

Требовалось во всем соответствовать «букве», но при этом никем не контролировалось, как на площадке ты приведешь в норму, что на бумаге специально для них изуродовал.

— После «Пасторали» 1975 года, получившей приз ФИПРЕССИ на Берлинском фестивале, вы не работали более пяти лет...

— Ну, ее они сразу положили на полку. Мало того, мне было сказано: «Все, хватит, ваш номер больше не пройдет». Ермаш заявил мне в лицо: «До сегодняшнего дня мы терпели, но больше не будем иметь с вами дела. Кино вы снимать не будете. Вы всегда водили нас за нос».

— На что вы жили, пока не уехали за границу?

— Ездил по кино клубам. Была чудесная система и хорошая аудитория — Академгородок под Новосибирском, Рязань, Ярославль, Киев. Нам за это немножко платили. Кроме того, тех, кто что-то понимал в ремесле, время от времени приглашали быть консультантами. Я был консультантом на Казахской киностудии. Нет, в люди никого не вывел. Они мне давали в работу совсем безнадежные вещи...

— Как вам удалось уехать?

— Вообще я был невыезной, даже в Болгарию не пускали. Впервые поехал за границу в 1979 году. Мною тогда занялись Федерико Феллини и Тонино Гуэрра, которые посмотрели какие-то мои картины и решили помочь. «Чинечитта» предложила заказ. Но итальянское кино в то время уже кончалось, умирало, и я поехал во Францию. Довольно долго не мог куда-то приткнуться: не очень хорошо понимал их систему. Но потом появился продюсер, и я начал снимать. Делал что-то короткометражное, документальное, ничем не брезговал — работал, как в последний раз. Потом вышли «Фавориты Луны».

— Почему вас не заставляли вернуться сюда, как обошлось без международного скандала?

— А я всякий раз возвращался. Вы не понимаете, они тут были счастливы, что избавились от Андрея Тарковского и от меня. Мы им не нужны были здесь, и если бы Андрей вернулся вовремя, его бы снова выпустили. Это точно. Но он не вернулся по каким-то личным мотивам, а я приехал и отчислил «Совэкспортфильму» пятьдесят процентов гонорара за «Фавориты Луны». Меня тут же пустили еще раз. Им больше всего не хотелось, чтобы я тут работал, чтобы они за это отвечали. Я снял следующий фильм и снова приехал, снова отдал гонорар. А в третий раз уже была перестройка.

— Как вы там устраивались в бытовом плане, где жили?

— Сначала по друзьям. Еще во времена Московских кинофестивалей у меня появилась масса приятелей: Жак Тати, Паскаль Обье, Луи Маль (классики французской режиссуры — К.Т.)... Когда я туда приехал, они меня приютили. Когда начал работать, поселился в «Ситэ Д'эзар» — такой городок искусств, можно очень недорого снять мастерскую и жить. Провел там три года, потом студии-заказчики стали оплачивать мне квартиру.

Сейчас я снимаю на Фобур-Монмартр, хотя это очень дорого. Надо выкупить, будет спокойней.

— В Голливуд вас никогда не переманивали?

— Я никогда не соглашался, Голливуд терпеть не могу. А они сначала хотели: им нужен был кто-нибудь с ореолом диссидента, чтобы наработать политический капитал.

— Вообще вы диссидент по натуре. Не хотели быть использованным в этом качестве?

— Ну, это другая профессия. Это занятие политикой, в которой я не специалист. Еще это нарциссизм. В-третьих, все они постоянно метались из стороны в сторону. Нет, Даниэль был моим приятелем, Синаевский тоже, Володя Войнович — просто мой друг. Но он не диссидент, а просто встал СССР поперек горла.

— Вы сами бывали в Америке?

— Да, конечно. Ужасно. Страна очень похожа на Советский Союз. Обьюдающийся народ, страдающий дикой, болезненной наивностью. В общем, большой детский сад.

— Французское население вам по духу ближе?

— Вы думаете, население может быть близко по духу?.. Что московское, что тбилисское — где есть приятели и друзья, и это не население, а близкие тебе люди. Мы встречаемся, сидим, выпиваем.

— У вас стабильный круг друзей?

— Стабильный, но многих уже нет. С новыми людьми трудно: нет общих воспоминаний, не о чем говорить.

— В компьютерные игры не играете?

— Да ну что вы... У меня даже телевизора нет.

— На компьютере я делаю одно: монтирую свои фильмы. Пишу до сих пор от руки.

— Сколько пачек выкуриваете в день?

— Не считаю. Две или три.

— В какое время дня вы принимаете первую рюмку амантильда?

— С утра. Ну, не проснувшись, а когда выйду...

— Что вы делаете, когда не работаете?

— Сидите в кафе?

— Еду в Тбилиси. Живу там, пока не созреет какой-нибудь новый план. Это может быть месяц, может быть год.

— Грузинам понравилось «Утро понедельника»?

— Кто его знает? Разве разберешь моих соотечественников? По отзывам вроде понравилось.

— Кстати, в ваших фильмах женщина в лучшем случае — друг человека. Во всех остальных случаях она враг. Вы правда убеждены, что нас создали из вашего ребра для постельных утех либо хозяйственных забот?

— Нет, женщина все-таки по природе своей — рыцарь. Она — защитник слабых, кормилиц, управляющий... Это серьезная вещь. К женщинам я отношусь с величайшим уважением, особенно в наше время. Они взяли на себя такой груз... В России до сих пор «коня на скаку останавливают», еще и выносят все мужские безобразия; во Франции тоже тяжело. Право голосовать женщины получили там только в начале 60-х годов, и до сих пор при равной работе зарплата на одну треть меньше. С другой стороны, эмансипация принесла свои плоды, и сегодня француженки очень хорошо выглядят. Мужчины стали побаиваться женщин, что очень приятно.

— Ваша семья навещает вас во Франции?

— Да, конечно. Жена постоянно со мной. Дочь работала художником на последней картине. Вообще она художник-иллюстратор, издает детские книги, у нее в Грузии своя фирма. Она работала со мной и прежде — в «Разбойниках», даже снималась там.

— Сколько у вас внуков?

— Двое, уже большие. Один стал архитектором, другой что-то делает на телевидении. Старший играл у меня в «In vino veritas», младший — сейчас, в «Утре понедельника».

— Где вы будете встречать Новый год?

— Дома, в Тбилиси.

Катя ТАРХАНОВА.